

ЧАСТЬ I

*21 февраля 1912 года. Деревня Поповщина,
Порховский уезд Псковской губернии.
14 часов 36 минут*

Константин Павлович Маршал полулежал в санях, заканчивая описание места преступления. Конечно, в просторном тереме, за тяжелым дубовым столом, рядом с еще не остывшей печкой писать было бы сподручнее — и опора для блокнота была бы надежнее, и карандаш в пальцах не дрожал бы от февральского холода. Но внутри отвратительно пахло кровью и убиной, этих ароматов за всю свою службу в полиции Маршал спокойно переносить так и не научился, потому и ютился сейчас в крестьянских санях, поминутно дыша на окоченевшую руку и часто чихая то ли от мороза, то ли от пыльного сена, которым было для комфорта седоков устлано дно. Наконец, поставив последнюю точку, Константин Павлович быстро натянул на правую руку перчатку, спрятал карандаш и пробежал глазами по строчкам:

«Место осмотра — деревянный усадебный дом крестьянина Осипа Симанова в деревне Поповщина Порховского уезда Псковской губернии.

В главной комнате два трупа — сам хозяин Симанов и сын Устин. Мужчины сидят за столом, руки и ноги связаны. Судя по характеру ранений, зарезаны ножом. На столе следы ужина: две пустые водочные бутылки, миски с закуской, кружки. Вскрыт сундук, и вывернута половица. Других следов обыска нет — по-видимому, грабители знали, где искать.

В соседней комнате на кровати у печки жена Устина Дарья и двое детей, мальчик и девочка, на вид погодки лет шести-семи. На печи еще четверо ребятишек: три девочки, возраст от трех до пяти лет, и мальчик, лет пяти. И Дарья, и дети зарублены топором».

Константин Павлович прикрыл глаза, вздохнул. Очень хотелось закурить, но пока было нельзя. Рядом нетерпеливо перебирал передними лапами Треф, однако голоса не подавал, ждал.

«У крыльца дома шагах в трех по направлению к воротам еще одно тело — батрака Алексея Боровнина. Мужчина лет двадцати, без пальто, без обуви, в одной рубахе и штанах. Лежит лицом вниз. На правой щиколотке кусок веревки, похожей на ту, которой связаны отец и сын Симановы. Схема дома и дворовой территории с расположением предметов мебели и тел убитых прилагается. Имена убитых записаны со слов судебного следователя Волошина, подтверждены свидетельницей Анисьей Худобиной, в девичестве Симановой, сестрой убитого хозяина дома. Она их и обнаружила утром».

Маршал спрятал блокнот в карман пальто, машинально вытащил папиросы, сунул одну в рот,

пожевал мундштук, хлопая себя по карманам в поисках спичек. Треф укоризненно зарычал.

— Да-да, прости, брат, задумался.

Папироса отправилась обратно в портсигар. Константин Павлович еще раз оглядел припорошенный свежим снегом двор, осторожно, стараясь ступать по уже оставленным следам, поднялся на крыльцо, обреченно вздохнул и взялся за дверную скобу.

Оказалось, что переживал он из-за уличного холода напрасно: избу за полдня уже достаточно выстудило, и в горнице было чуть теплее, чем в неотпливаемых сениях, но и страшного запаха из-за понизившейся температуры тоже почти не осталось. Можно было почти с комфортом провести более тщательный осмотр скорбного места.

Людей в главной комнате было шестеро. Двое уже посиневших убитых так и сидели за столом, обреченно свесив бородатые головы. Трое представителей местной власти занимались всяк своим делом: упомянутый в записке Маршала судебный следователь Волошин монотонно перечислял домашнюю утварь; волостной писарь, примостившись на краешке стола, записывал слова начальника в опись, а перетянутый ремнями усатый урядник сидел на лавке, закутавшись в шерстяной башлык, и дремал, разинув рот. А на кровати жевала кончик платка и тихо всхлипывала та самая Анисья Худобина, сестра хозяина дома.

Волошин поднял было голову, заслышав шаги, замолчал, ожидая распоряжений от столичного сыщика, но Константин Павлович махнул рукой — продолжайте, мол. И следователь снова забубнил:

— Иконы старинного письма — три. Богоматерь с Младенцем, Спаситель и Николай Угодник. Надо было составить перепись имущества, Константин Павлович, а то ведь растащат соседи.

Анисья отчаянно закивала головой, подтверждая непорядочность односельчан.

— Да-да, Карп Савельевич, все верно. Работайте.

Маршал отдернул цветастую занавеску, отделявшую спальную часть избы от обеденной, подошел к железной пружинной кровати. Симановы жили зажиточно, это было понятно еще по подворью с новыми, справными сараями и закутами. Вот и железная кровать с шарами — редкость для простого крестьянского дома — тоже подтверждала хороший достаток хозяев.

Маршал отогнул край льняного покрывала, которым были укрыты тела снохи Симанова и старших внуков. Поперек лба Дарьи наискось, от центра к правой глазнице, теперь пустой, шел глубокий рубец, уже почти черный. Где-то в глубине просвечивало светло-серое — удар был такой силы, что пробил лобную кость до самого мозга. И мальчик, и девочка, все беленькие, словно созревшие одуванчики, были умерщвлены тем же ужасным способом. Константин Павлович полностью убрал покрывало, осмотрел тела — иных следов насилия не обнаружилось. Внимательно изучил руки убитых — ногти грязные, но грязь бытовая, крестьянская. Похоже, убили всех во сне, сноха и дети не сопротивлялись. Но как не проснулись? Вот вопрос. Все-таки не одного человека по голове топором рубанули. Поправив распахнувшуюся на

груди Дарьи нижнюю рубаху, снова укрыв кровать, перешел к полатам.

Четверо щупленьких детских тел лежали кто как: кто на боку, подсунув маленький кулачок под щеку, кто на животе, выставив только конопатый нос из подушки, кто на спине. И все со страшными ранами на таких же светлых головах. И все так же, как и на кровати, — судя по положению тел, детей порешили спящими. Мистика!

Маршал вернулся в главную комнату.

— Сундук кованый, пустой. Петли и замок навесной не сбиты, открыты ключом. Связка тут же, на полу, — продолжал бубнить следователь.

Константин Павлович подошел к столу, за которым, видимо, накануне бражничали отец и сын. Поднес к носу бутылку — водка, безо всяких посторонних запахов. На столе глиняная расписная махотка с квасом, миска с солеными черными груздями, квашеная капуста, начатый каравай серого хлеба, семь оловянных кружек, пять рюмок зеленого стекла. Маршал по очереди понюхал каждую — тот же водочный запах. Стало быть, хозяева выпивали с убийцами. С тремя. Или с двумя — если убитый у крыльца работник допускался к хозяйскому столу.

— Старков!

Начавший уже похрапывать урядник вздрогнул, вскочил на ноги, громыхнув шашкой, вытянулся и вытаращил подобострастно глаза: вот он я, готов исполнять любое поручение, вашбродь!

— Ступайте на улицу, проверьте, есть ли водочный запах от Боровнина. Только самого не трогайте, хоть рядом ложитесь, чтоб унюхать.

Старков прогрохотал подкованными сапогами мимо, чуть не опрокинув стул, а Маршал вернулся к убитым. Приподнял одну голову, вторую, опустил на корточки, посчитал окровавленные дыры на исподних рубахах. На каждом почти по десятку, будто не убивали, а исступленно наказывали. Руки у обоих сзади связаны, узлы непростые, похожи на морские. Константин Павлович достал нож, аккуратно срезал веревку — в Петербурге покажет знакомому капитану.

Сзади снова забухали подковы.

— Смею доложить, так точно! Дух водошный, как есть он.

— Значит, двое, — пробормотал Маршал.

А на очередной вопросительный взгляд Волошина бросил:

— Заканчивайте. Пусть урядник с господином писарем соберут в общей избе мужиков и попа, эту даму тоже туда, — он кивнул на Анисью, — а вы упакуйте посуду, остатки еды и питья и выходите — мы с вами собаку выгуляем. Дом запереть.

Писарь с урядником собрались в секунду — видно, соседство с таким количеством мертвецов им тоже радости не доставляло. Не дожидаясь, пока следователь закончит с посудой, Константин Павлович вернулся на двор, склонился над убитым Боровниным. Молодой человек лежал на животе, головой к воротам. Видимо, пытался сбежать, но злодеи настигли. Сбоку на спине вокруг прорехи на красной полинялой рубахе расплзлось темное пятно. Маршал задрал рубаху — удар один, видимо, точно в печень. Перевернул тело на спину, посмо-

трел на молодое, почти юное лицо: мокрые от снега волосы смерзлись в сосульки, над верхней губой мягкие усы, почти пух. Пожалуй, двадцать в записях надо исправить лет на восемнадцать, а то и того меньше. Кулаки сжаты, костяшки побелели. Из правого торчал какой-то кусок темной материи. Константин Павлович с трудом разжал заиндевевшие пальцы, вытянул обрывок ткани — рубашечный карман.

— Треф, ко мне!

Пес радостно сорвался с места, подбежал к хозяину, завилял хвостом. Маршал сунул ему под нос свою находку:

— Ищи, мой хороший. Ищи.

Треф с готовностью прилип к земле черным носом, забороздил порошу, закружил, петляя, по двору, обежал лежащего покойника, потыкался в ворота конюшни, поскреб доски, но вернулся к крыльцу, понюхал воздух, ступеньки, уселся у нижней, чихнул и радостно рявкнул.

— Ну-ка, что здесь?

Константин Павлович аккуратно смахнул свежий слой снега, вытащил промокший окурок, протянул вышедшим из дома Волошину и Анисье.

— Хозяева курили?

— Упаси бог, — осенила себя баба. — Это ж расход какой. Осип Матвеич прижимистый был, царствие небесное. Выпивать и то не на свои старался.

Маршал поднес промокший окурок к глазам — лафермовский «Зефир» № 100, недешево. Бережно спрятал находку в портсигар, широкими шагами пересек просторный двор, дернул ворота конюшни, ко-

торые Треф минутой раньше пытался открыть. Прямо за плечом его ахнула Анисья и запричитала в голос:

— Ой, батюшки святы! Лошадей! Лошадей увели, анчихристы! И сани, сани новые, железом подбитые! Да что ж это делается, Осип Матвейч? Ох, глазоньки твои ясныя хучь не видят, какая беззакония тут творится!

Константин Павлович обернулся к голосащей бабе, крепко тряхнул ее за плечи. Та испуганно ойкнула, но замолчала — только широко хлопала на сердитого барина белесыми ресницами и беззвучно разевала рот.

— Сколько было лошадей? Какой масти? Сани какие?

Пока Анисья перечисляла все достоинства двух уведенных убийцами лошадей и подводы, Константин Павлович следил за Трефом. Тот, увидев, что первую находку хозяин забрал, за ним к конюшне не пошел, а недолго покрутился у крыльца, снова по дуге обошел убитого батрака, протрусил к воротам усадьбы и опять уселся, глядя на струганные доски. Обернулся на Маршала, громко гавкнул и толкнул тяжелой лапой основную створку.

— Идемте, Карп Савельевич. Прогуляемся по округе. А вы, — он оглянулся на Худобину, — ступайте в деревню, там ждите.

* * *

Треф привел их недалеко — в соседний редкий лесок. Под высокой сосной ясно были видны следы двух человек, валялись окурки попроще — дешевый «Добрый молодец». Шедший ночью снег не

замело под мохнатые ветки, но в пяти шагах от сосны следы пропадали, а у дороги Треф и вовсе потерялся: заметался, заскулил и в конце концов улегся у придорожного сугроба, спрятал голову в лапы, понимая, что подвел хозяина. Константин Павлович подошел к расстроенному другу, потрепал по мохнатому загривку.

— Не переживай. Ты молодец. Дальше мне придется поработать.

Маршал присел над следами, вытащил блокнот, карандаш, зарисовал отпечатки обуви, тщательно перенес рисунок подошвы, набойки, сверил количество гвоздиков, снял размеры портняжным метром, поднялся. Наконец-то можно было закурить. Константин Павлович все-таки отошел от собаки, стянул перчатки, чиркнул спичкой, с удовольствием выпустил в морозное небо погустевший от табачного дыма пар, прислушался к себе. Внутри тугим комком сидело странное, но приятное чувство, ожидание чего-то хорошего, что еще не свершилось, но вот-вот произойдет. Или уже наступило, но разум еще не привык, не поверил в случившееся. Странно. Он только что видел последствия ужасного зверства, не время вроде бы для подобных эйфорических ощущений. Последние два года похожее чувство посещало его очень редко. И вот уже третью неделю оно бьется где-то чуть ниже солнечного сплетения, нарастает, подрагивает, как тишина внутри колокола, когда язык его уже набирает амплитуду, но еще не ударился о медный свод. Мысли снова вернулись в тот декабрьский вечер, перед глазами опять замелькали языки пламени...

* * *

23 декабря 1911 года. Стрельна. 21 час 17 минут

...В камине уютно трещали березовые поленья, всполохи огня еле освещали небольшую гостиную деревянного дачного дома, не дотягиваясь до притаившихся в углах темных пятен. Живые отблески причудливо играли с тенями на спокойном лице молодого мужчины, сидевшего в кресле напротив огня, отражались в задумчивом взгляде карих глаз, золотистой охрой подкрашивали и без того рыжеватую бороду. Вот он чуть качнулся вперед, вырвался из объятий мягкого кресла, пошевелил кочергой начавшие покрываться пепельным инеем угли, подкинул пару черно-белых чурбаков. Ухватил каминными щипцами небольшую головешку, запалил от нее папиросу, выдохнул облачко ароматного дыма и снова откинулся в кресле.

Дремавший почти у самой решетки Треф сонно поднял голову, укоризненно посмотрел на хозяина, чихнул. Потом потянулся и медленно, с достоинством вышел из комнаты. Он не любил табачного запаха.

Константин Павлович рассеянным взглядом проводил пса, бросил недокуренную папиросу в огонь. За окнами большими пушистыми хлопьями на стрельновскую землю опадал с черного неба девятьсот одиннадцатый год. Маршалы, Константин с Зиной, больше двух лет не были в Петербурге, и, когда жена предложила встретить очередное Рождество, а с ним и Новый год в столице, Константин Павлович сначала обрадовался, а потом испугался. Обрадовался, потому что ужасно соскучился по сырому

балтийскому воздуху, по непредсказуемой северной погоде, способной в декабре разлиться оттепелью с плачущими сосульками и слепящим солнцем, а в мае выплюнуть из синюшного облачного подбрюшья под ноги горожанам последние порции снега. А испугался того, что от знакомых и любимых видов, от запахов проходных дворов, от желтого ледяного сала Мойки прорвется тугой нарыв — и не сможет он вернуться в тихий и покойный Елец.

Осенью десятого года к ним на неделю приезжал Филиппов с сыном Владимиром. Поудили рыбу в Сошне, сходили на куропаток — Треф был в восторге, от Филиппова не отходил. Маршал видел, что Владимир Гаврилович хочет, но не решается задать какой-то вопрос. И догадывался, какой именно. И был благодарен ему за то, что вопрос так и остался незадаанным.

Потому теперь и не стали они с Зиной останавливаться в самом городе, а сняли маленькую дачу в Стрельне. Прибыли двадцатого декабря инкогнито, никого из старых знакомых не предупредив, и прямо с Николаевского вокзала укатали на Балтийский, к Петергофскому поезду. Два дня провели в прогулках, катании в санях, вечерами сидели у камина и подолгу молчали, глядя на огонь. А на третий Зина не выдержала.

— Значит, так, муж! — В моменты острого недовольства Константином Павловичем она обращалась к нему именно так. — Или ты немедленно отправляешь Владимиру Гавриловичу телеграмму, что мы здесь, и вечером мы ужинаем где-нибудь в городе, или я сама ему напишу! Ни на каких других условиях я не готова больше созерцать твою